

Говард Филлипс Лавкрафт

Картина в доме

(The Picture in the House)

Любители ужасов часто посещают необычные удаленные места. Катакомбы Птолемея, высеченные из камня мавзолеи в средоточениях ужасов, будто для них созданы. Они поднимаются при лунном свете в башни полуразрушенных рейнских замков, спускаются с дрожью в коленках по черным, опутанным паутиной ступенькам в подземелья под руинами забытых городов Азии. Их храмы – заколдованный лес с призраками, одинокая гора, они слоняются возле мрачных валунов на необитаемых островах. Но истинные эпикурейцы ужасов, для которых неизведанная дрожь от невообразимого ужаса – конечная цель и смысл бытия, больше всего ценят старые заброшенные фермы в лесной глуши Новой Англии, ибо там темная сила, одиночество, абсурд и невежество сочетаются таинственными узами, достигая совершенства в отвратительном и ужасном.

Самое страшное кроется в убогих некрашенных домишках, притулившихся на сыром склоне холмов, прилегающих к скале. Так они и стоят два столетия или больше, прижавшись, притулившись, прилегая к чему-нибудь, и тем временем их оплетает дикий виноград, окружают деревья. Домишки почти незаметны в своевольном буйстве зелени, в осеняющей их тени. Их оконца тупо таращатся на мир, будто моргают, оцепенев от небытия, отгоняющего безумие, притупляющего в памяти жуткие события.

В таких домишках обитали поколения необычных людей, которые давно перевелись. Мрачная фанатичная вера взяла в тиски их предков, разлучила с родней, приучила к глухим местам и свободе. Здесь отпрыски победившей расы процвели, разорвав узы ограничений и запретов, здесь же они сгорбились от страха, угодив в страшное рабство собственных мрачных фантазий. Вдали от цивилизации и просвещения сила пуритан нашла странный выход, а их изоляция, мрачное самоистязание, борьба за выживание с безжалостной природой пробудили в их душах нечто тайное и темное – гены доисторических предков, живших в холодных северных краях. Жизнь воспитала в них практичность, вера – строгость, но греховность победила душевную красоту. Грешные, как и все смертные, но вынужденные скрывать свои грехи из-за строгости религиозных догм, они все меньше и меньше осознавали свои скрытые грехи. Только безгласные домишки в медвежьих углах могут поведать, что здесь кроется с давних времен, но они необщительны и не хотят стряхнуть дремоту, позволяющую им предать все забвению. Порой кажется, что милосерднее было бы снести эти домишки, чтобы спасти их от сонного оцепенения.

В ноябре 1896 года холодный проливной дождь загнал меня в такой ветхий дом: я был рад оказаться под любой крышей. Я предпринял поездку в Мискатоник-Вэлли в поисках некоторых генеалогических данных. Дело представлялось мне весьма проблематичным, с небольшими шансами на успех, и потому я решил отправиться в

путь на велосипеде, несмотря на позднюю осень. Желая проехать кратчайшим путем в Аркхем, я оказался на проселочной дороге, которой явно не пользовались, да еще попал под проливной дождь. Никакого прибежища поблизости не имелось, только этот ветхий деревянный неприятного вида дом с тусклыми окнами меж двух огромных облетевших вязов. Хоть он стоял далеко от дороги, у подножия скалистой горы, дом произвел на меня гнетущее впечатление с первого взгляда. Добропорядочные, крепкие дома не косятся на путешественников так хитро и навязчиво. Занявшись генеалогическими исследованиями, я ознакомился с легендами прошлого века, настроившими меня против подобных прибежищ. Но разбушевавшаяся стихия вынудила меня забыть о предрассудках, и я погнал велосипед по заросшей тропинке в гору, к закрытой двери дома, одновременно потаенной и манящей.

Я почему-то считал само собой разумеющимся то, что дом заброшен и пуст, но, когда подъехал поближе, уверенности во мне поубавилось. Дорожки заросли, но все же они отчетливо просматривались, и это противоречило моей версии о полном запустении. Не пытаясь открыть дверь, я постучал, и внезапно меня охватил безотчетный страх. Я стоял на грубом мшистом камне, служившем порогом, и смотрел на оконные рамы и фрамугу у себя над головой. Хоть и старые, со стеклами почти матовыми от грязи, рамы были целые. Значит, в доме живут, несмотря на его удаленность и заброшенный вид. Однако на мой стук никто не отозвался. Я постучал снова, а потом тронул ржавую щеколду. Дверь оказалась незапертой. Внутри была маленькая прихожая с обвалившейся штукатуркой, и через дверь доносился слабый, но крайне неприятный запах. Я вошел, втянул велосипед и закрыл за собою дверь. Впереди уходила вверх узкая лестница, дверь сбоку от нее, вероятно, вела в подвал. Справа и слева от себя я увидел закрытые двери комнат первого этажа.

Привалив велосипед к стене, я открыл дверь слева и вошел в маленькую комнату с низким потолком, тускло освещенную двумя запыленными окошками, крайне бедно обставленную. Судя по всему, она служила чем-то вроде гостиной: здесь стояли стол, несколько стульев, здесь же находился огромный камин, и на каминной полке тикали старинные часы. В полумраке я не мог даже прочесть названия нескольких лежавших тут книг. Все вокруг несло на себе отпечаток старины, это меня и заинтриговало. В здешних краях я нашел много реликвий прошлого, но тут царил дух антикварной лавки: я не заметил в комнате ни единого предмета, относящегося к периоду после Войны за независимость. Если бы не скудность обстановки, комната была бы раем для собирателя старины.

Осматривая странное жилище, я почувствовал, что отвращение, вызванное во мне его внешней неприглядностью и мрачностью, усиливается. Не берусь определить, чего именно я боялся, что меня отвращало, но, скорей всего, сама атмосфера дома, пронизанная духом греховного века, его грубостью и тайнами, которые лучше позабыть. Не возникало даже желания посидеть, и я бродил по комнате, разглядывая различные предметы, на которые сразу обратил внимание. Мое особое любопытство вызвала лежавшая на столе книга весьма допотопного вида, и я удивился, что увидел ее не в музее или библиотеке. Книга в кожаном переплете с металлическими застежками прекрасно сохранилась. Здесь, в этом убогом жилище, ей было явно не место. Открыв титульный лист, я удивился еще больше: редчайшее издание – описание Пигафеттой района Конго на латыни,

сделанное на основе путевых заметок моряка Лопекса. Книга была напечатана во Франкфурте в 1598 году. Я часто слышал об этом издании, о любопытных иллюстрациях братьев Де Брай, и, жадно перелистывая страницы, забыл на время про свое неприятие окружающего. Гравюры представляли несомненный интерес. Художники вдохновлялись богатым воображением и небрежным описанием и потому изображали бледнолицых негров с кавказскими чертами лица. Я не скоро закрыл бы книгу, если бы не сушая мелочь, действовавшая мне на нервы, возрождавшая чувство неосознанного беспокойства. Меня раздражало, что книга то и дело раскрывалась на гравюре XII, где с мрачной подробностью воспроизводилась обстановка мясной лавки племени каннибалов. Мне стало стыдно за излишнюю чувствительность к таким мелочам, но рисунок вызвал у меня неприятные эмоции, особенно в сочетании с описанием гастрономических вкусов каннибалов.

Я заглянул на полку по соседству и изучил ее скудное содержимое – Библию восемнадцатого века, «Путь паломников» того же времени с гротескными гравюрами, напечатанную издателем альманахов Исайей Томасом, пресловутый фолиант Коттона Мэзера «Magnalia Christi Americana» и несколько других книг приблизительно того же периода. Вдруг мое внимание привлек отчетливый звук шагов в комнате наверху. Я испуганно вздрогнул, вспомнив, что никто не ответил на мой стук в дверь, но тотчас заключил: хозяин только что пробудился от крепкого сна. Потом я уже спокойнее слушал, как кто-то спускается по скрипучим ступенькам. Походка у этого человека была тяжелая и в то же время какая-то крадущаяся. Мне такое сочетание не понравилось. Зайдя в комнату, я прикрыл за собою дверь. Теперь после некоторого затишья в передней – вошедший, очевидно, разглядывал мой велосипед – послышалось звяканье щеколды, и входная дверь распахнулась. В дверях стоял человек столь необычной внешности, что я вскрикнул бы от удивления, не будь я с детства приучен к сдержанности. Старый, оборванный, седобородый, мой хозяин тем не менее вызывал почтительное удивление, и причина тому – необычное лицо и телосложение. Он был не менее шести футов ростом и, несмотря на старость и нужду, крепок и плечист. Лицо, почти скрытое длинной бородой, было румяное и не такое морщинистое, как у других стариков. На высокий лоб падала копна седых волос, незначительно поредевших со временем. Взгляд голубых, слегка налитых кровью глаз поражал остротой и живостью. Если бы не вопиющая неопрятность, он производил бы весьма внушительное впечатление. Но неопрятность отталкивала, несмотря на приятную внешность и ладную фигуру. Я даже затрудняюсь описать его одежду – какая-то груда рванья над высокими тяжелыми сапогами, а что касается нечистоплотности, тут уж и слова бессильны.

Странная внешность этого человека и инстинктивный страх, им внушаемый, подготовили меня к некоей враждебности с его стороны, и потому я вздрогнул от неожиданности и чувства жуткой несообразности, когда он указал мне на стул и обратился ко мне тонким голосом, исполненным льстивого почтения и угодливой вежливости. Речь его была чрезвычайно любопытна. Передо мной сидел настоящий янки, а я полагал, что этот диалект давно исчез, и потому особенно внимательно вслушивался в его речь.

– Дождем прихватило? – начал он вместо приветствия. – Повезло еще, что возле дома оказался, да ума хватило зайти. Я, похоже, спал, а то бы услышал. Нынче я уж не

такой, как бывало, то и дело прикладываюсь, дрема одолевает. А ты издалека будешь? Нынче народ сюда ни ногой, новую, видишь, дорогу в Аркхем проложили.

Я отвечал, что направляюсь в Аркхем, и извинился, что вторгся в его дом непрошеным гостем, а он тем временем продолжал:

– Рад видеть тебя, молодой господин, нынче здесь редко кого увидишь, тоска за душу берет. Ты, верно, из Бостона? Мне там не доводилось бывать, но городского сразу видно. Было дело, приезжал сюда учитель в восемьдесят шестом, строгий такой. Был да сплыл, с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Тут старик залился клохчущим, мелким смехом и не объяснил, в чем дело, хоть я его и спрашивал. Он пришел в чрезвычайно веселое расположение духа, но, судя по его виду, от него можно было ждать эксцентричных выходов. Некоторое время он, все больше возбуждаясь, излучая добродушие, продолжал свой бессвязный рассказ, и мне вдруг пришло в голову спросить старика, как он заполучил такую редкую книгу, как «Regnum Congo» Пигафетты. Я все еще находился под впечатлением, произведенным на меня этой книгой, и не решался заговорить о ней, но любопытство пересилило смутный страх, копившийся в душе с тех пор, как я вошел в странное жилище. Я с облегчением отметил, что вопрос не поставил старика в тупик: он отвечал охотно, вдаваясь в подробности.

– Африканская книга, говоришь? Было такое дело, выторговал эту книжонку у капитана Эбenezера Хольта году эдак в шестьдесят восьмом, его еще потом на войне убили.

Упоминание об Эбenezере Хольте сразу меня насторожило. Это имя попадалось мне в ходе моих генеалогических изысканий, но только до Войны за независимость. А вдруг мой хозяин сможет как-то помочь мне в моей работе? Я решил спросить его о Хольте попозже. Старик тем временем продолжал свой рассказ:

– Эбenezер много лет ходил на салеомском торговом судне, в каждом порту, бывало, какую-нибудь диковинную штуку ухватит. А книжонку он, похоже, в Лондоне купил, уж больно ему тамошние лавчонки нравились. Вот как-то раз прихожу я к нему в дом – на холме дом стоял, – а я как раз лошадей привел на продажу. Тут-то мне эта книжонка на глаза и попалась, и уж больно картинки там завлекательные были. Тогда я у него книгу и выменял. Чудная она, вот погоди, только очки достану.

Старик порылся в своих лохмотьях и извлек грязные очки – подлинный антиквариат – с маленькими восьмиугольными линзами и стальными дужками. Нацепив их на нос, он потянулся за фолиантом на столе и принялся любовно перелистывать страницы.

– Эбenezер немножко кумекал по-латыни, почитывал ее, а я вот не разбираюсь. Здешние учителя – не упомню, два или три их тут было – читали мне понемножку, да еще пастор Кларк. Он, говорят, утоп в пруду. А ты в ней разберешься?

Я ответил, что знаю латынь, и прочел ему вслух первый абзац. Если я и делал

ошибки, старик их не замечал и не мог меня поправить, но он радовался как ребенок, что книга заговорила по-английски. Его близкое соседство было мне крайне неприятно, но я не мог его избежать, не обидев хозяина. Меня забавлял ребяческий восторг старика перед картинками в книге, которую он не мог прочесть. Интересно, насколько легче ему было прочесть несколько английских книг, украшавших комнату? Простодушие старика отмело смутные дурные предчувствия, мучившие меня, а он все болтал и болтал:

– Как этих картинок насмотришься, всякое в голову лезет, чудеса, да и только. Ну, возьмем хоть бы эту, в начале. Где ты видывал деревья с такими большущими листьями, чтобы сверху донизу свисали? А люди? Разве это негры? Прямо умора. Индейцы – еще куда ни шло, может, они и в Африке попадаются. А то нарисованы твари вроде мартышек или полумартышки-полулюди. А про таких чудищ я и вовсе не слыхивал. – Старик указал на химеру – что-то вроде дракона с головой крокодила. – А самая что ни на есть занятная вот тут, посередке...

В голосе старика появилась хрипотца, глаза загорелись. Пальцы слушались его хуже, чем раньше, но все же вполне справлялись со своим делом. Книга раскрылась, будто сама, будто по привычке, на том же месте, на отвратительной двенадцатой гравюре, изображавшей мясную лавку племени каннибалов. Я снова ощутил беспокойство, хоть никак его не выдал. Самым странным казалось то, что художник изобразил африканцев белыми. Отрубленные руки, ноги, четверти тел, висящие на крюках вдоль стен, представляли собой кошмарное зрелище, а мясник с топором был чудовищно неуместен. Но то, что вызывало у меня отвращение, казалось, ласкало взор моего хозяина.

– Ну и что ты об этом думаешь? Поди, не видывал такого, а? А я, как впервой увидел, так Эбу Хольту и сказал: «Вот так штука, глянешь, и кровь в жилах закипает». Мне случалось в Библии читать, как людей на части рубили, ну, вот мидианитян, к примеру, читаешь и думаешь, но картинки-то перед глазами нет. А тут сразу видно, как это делается. Грех, право слово, да разве мы все не родимся и не живем в грехе? А я как гляну на парня, на куски порубленного, веришь, кровь по жилам быстрее бежит. Глаз оторвать не могу. Вон как мясник ему ноги оттяпал. А вон там на лавке голова отрубленная лежит, по одну сторону от нее – рука правая, по другую – левая.

Старик что-то еще бормотал в своем жутком экстазе, и выражение его заросшего седой бородой лица с очками на носу было неопишимо, хрипотца в голосе усилилась. Не берусь описать свои собственные переживания. Дурные предчувствия обернулись сущим кошмаром, объявившим меня с головы до ног. Во мне росла бесконечная ненависть к отвратительному старику, сидевшему возле меня. Не вызывало сомнений, что он либо сумасшедший, либо извращенец. Теперь он говорил почти шепотом, его сладострастная хрипотца была ужаснее крика, от его слов меня кидало в дрожь.

– Да, чудно, картинка вроде, а как за живое берет. Я от нее, веришь ли, глаз оторвать не мог. Выменял ее у Эба и все смотрел, смотрел, особенно по воскресеньям, когда пастор Кларк в своем большущем парике примется, бывало, говорить как по писаному. Раз я попробовал забавную штуку – да ты не пугайся, не пугайся! – просто я

глянул на картинку, а потом пошел забивать овец на продажу, и, веришь ли, куда веселей пошла работа!

Голос старика звучал все глуше и глуше, переходя порой в еле различимый шепот. Я слушал шум дождя, дрожание тусклых стекол в маленьких рамах и отметил первые раскаты приближающейся грозы – явления весьма необычного для поздней осени. Вдруг ударила молния и потрясла ветхий домишко до самого основания, но бормочущий старик, казалось, ее и не заметил.

– Да, забой овец пошел куда веселей, но знаешь, чего-то мне все же не доставало. Охота, она, брат, пуще неволи. Так вот, никому, бога ради, не сказывай, но посмотрелся я на эту картинку, и до того захотелось мне отведать съестного, что за деньги не купишь и сам не вырастишь. Да угомонись ты, что дергаешься, заболел, что ли? Ничего я не делал, просто думал да гадал, что бы вышло, доведись мне попробовать такую пищу. Говорят, мясо входит в твою плоть и кровь, новую жизнь дает, вот я и призадумался: жить-то можно дольше, если оно на твою плоть похоже?

Бормочущий старик так и не закончил свою мысль. Причиной тому был не мой испуг, не стремительно нараставшая буря, чей шум и ярость вывели меня потом из забытья среди дымящихся руин. Причиной тому было очень простое, хоть и необычное происшествие.

Между нами лежала открытая книга, и злополучная картинка упорно глядела в потолок. Как только старик произнес слова «на твою плоть похоже», сверху что-то капнуло и расплылось по желтоватой бумаге открытой книги. Я подумал, что крыша протекла от сильного дождя, но дождь не бывает красным. На гравюре, изображавшей мясную лавку племени каннибалов, ярко блестело маленькое красное пятнышко, придававшее особую достоверность кошмарной сцене. Старик заметил пятно и смолк, хоть немой ужас на моем лице сам по себе требовал от него разъяснения. Старик поднял глаза к потолку. Над нами была комната, откуда он вышел час тому назад. Я перехватил его взгляд: по отставшей штукатурке расплывалось большое красное пятно. Я не вскрикнул, не двинулся с места, я просто закрыл глаза. Через мгновение сокрушительный удар молнии поразил проклятый домишко с его ужасными тайнами, и лишь спасительное беспмятство уберегло мой разум.

Перевод: Людмила Биндеман

2000 год